

УДК 161.2

СВЕРХЧЕЛОВЕК КАК АЛЬТЕРНАТИВА СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ²

В.Д. Губин

В представленной работе рассматривается феномен сверхчеловека в качестве альтернативы современному массовому человеку. Подчеркивается, что в истории человечества существовало и существует два типа людей подобного сверхъестественного рода – от природы, и от духа. Современная цивилизация, породившая человека толпы, нуждается в воспитании сверхчеловека второго типа.

Ключевые слова: сверхчеловек, современная цивилизация, личность.

Человек является сверхъестественным, потому что он не результат естественной эволюции, которая создает только биологические предпосылки. Потому что для него необходимым является второе рождение. Потому что основополагающие феномены его существования – любовь, вера, ум, долг, свобода – вещи сверхъестественные. Нет в природе таких законов, по которым должны любить друг друга или жить по совести. Но есть особая разновидность сверхъестественного человека – сверхчеловек.

В нем воплотилась мечта человечества о благой силе и мудрости. О такой степени могущества, которая доступна только редким, избранным людям. Сверхчеловек и по сегодняшний день остается высоким, недостижимым идеалом. Идея сверхчеловека значительно древнее своего ницшеанского аналога. Сверхчеловек – это мудрец, полководец, святой, основоположник религии, гений в искусстве. К людям, обладающим теми или иными чертами сверхчеловека, относили Моисея, Будду, Иисуса Христа, Пифагора, Сократа и Платона, Александра Македонского, Моцарта, Наполеона, Шекспира и др.

Сверхчеловеческое обычно понимают, во-первых, как деятельность, основанную на сверхчеловеческих способностях, и, во-вторых, как особый способ бытия, предполагающий радикальное изменение антропологической меры, выход за рамки «человеческой точки зрения». Мы рассмотрим только второй аспект феномена сверхчеловека, потому что никаких серьезных выводов и обобщений нельзя сделать, анализируя необыкновенные способности: абсолютный слух, феноменальное зрение, необычайная способность воображения и т.д.

Сверхчеловеческое в индивиде может иметь природное и духовное происхождение. В данной статье мы хотели бы остановиться только на природных истоках сверхчеловеческой личности. Сверхъестественный человек вышел из

---

² Работа выполнена в рамках украинско-российского проекта №29 (Постанова Президії національної академії наук України №88 від 30.03.2007 р.).

природы, руководствуется законами культуры, Но в нем осталось сильное природное начало и при сверхчеловеческом развитии личности это начало может развиваться в весьма причудливые и даже страшные формы.

Сверхчеловеческие черты личности, данные от рождения, от природы, или развитые в самом раннем возрасте – это необычно сильная воля, храбрость, агрессивность, упрямство, развивающиеся чаще всего в ущерб интеллекту. Такие черты проявляются в политике, в военном деле, в криминальной среде. Вовсе не истинно великие люди, писал Шопенгауэр, оказываются теми историческими деятелями, которые, умея руководить и править массой человечества, выступают борцами в мировых событиях. Для этого пригодны люди с гораздо более ограниченным умом, но с большей твердостью, решительностью и устойчивостью воли, которые не могли бы даже возникнуть вместе с очень высоким интеллектом. Интеллект просто мешает воле. Во многих людях мы встречаем сильную, т. е. решительную, отважную, стойкую непреклонную, своенравную и страстную волю в соединении с очень слабым и несостоятельным рассудком. И как раз этим они иногда приводят в отчаяние тех, кто имеет с ними дело, так как воля подобных людей остается недоступной ни для каких доводов и представлений. Мы, оспаривая мнение какого-нибудь человека с помощью доводов и рассуждений и прилагая всяческие усилия к тому, чтобы убедить его, в уверенности, что мы имеем дело только с его рассудком, – замечаем, наконец, что он не хочет понимать и что мы, таким образом, имеем дело с его волей [1, с. 186 – 187].

Интеллект заставляет колебаться, прежде чем принять решения, прикидывать, взвешивать и только мешает в тех случаях, когда нужно принимать мгновенно действовать, полагаясь на чутье, инстинкт, на изоощренную интуицию, которой природа щедро одарила животных и сильно обделила человека. Интеллект, вмешиваясь в поступки людей, руководя ими, очень часто делает невозможным достижение цели, пугая роковыми последствиями, предлагая бесчисленные варианты, и не решаясь остановиться ни на одном.³

Как в художественной, так и в философской литературе отношение к таким «великим личностям» либо восторженное, признающее важность и необходимость существования такого рода индивидов, либо резко отрицательное. В статье «Что такое искусство?» Лев Толстой, говоря о «наглости» и всевозможных «пакостях и гадостях» современных декадентов, символистов, эстетов, которых он с простодушной бранью сваливает в одну кучу, называет Ницше «пророком» этих «пакостников». И тут же замечает, что «идеал сверхчеловека есть в сущности

---

³ «...Все непосредственные люди и деятели потому и деятельны, что они тупы и ограничены. Как это объяснить? А вот как: они вследствие своей ограниченности ближайшие и второстепенные причины за первоначальные принимают, таким образом скорее и легче других убеждаются, что непреложное основание своему делу нашли, ну и успокаиваются; а ведь это главное. Ведь чтоб начать действовать, нужно быть совершенно успокоенным предварительно и чтоб сомнений уж никаких не оставалось. Ну а как я, например, себя успокою? где у меня первоначальные причины, на которые я упрусь, где основания? Откуда я их возьму? Я упражняюсь в мышлении, а следственно, у меня всякая первоначальная причина тотчас же тащит за собою другую, еще первоначальнее, и так далее в бесконечность. Такова именно сущность всякого сознания и мышления» (Достоевский Ф.М. Записки из подполья).

старый идеал Нерона, *Стеньки Разина*, Чингиз-хана, Робер Макера, *Наполеона* и всех их соумышленников, приспешников и льстецов» [2, с. 202, 203].

У Достоевского, напротив, Раскольников рассуждает о необходимости преступлений в истории, о людях, которые на эти преступления решаются и тем самым двигают историю вперед. «Если бы Кеплеровы, Ньютоновы открытия, вследствие каких-нибудь комбинаций, никоим образом не могли стать известными людям иначе, как с пожертвованием жизни одного, десяти, ста и так далее человек, мешавших бы этому открытию, или ставших бы на пути, как препятствие, то Ньютон имел бы право, и даже был бы обязан... *устранить* эти десять или сто человек, чтобы сделать известными свои открытия всему человечеству... Далее... все законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее – все до единого были преступники уже тем одним, что, давая новый закон, нарушали древний, свято чтимый обществом и от отцов перешедший, и уж, конечно, не останавливались и перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая за древний закон) могла им помочь. Замечательно даже, что большая часть этих благодетелей и установителей человечества были особенно страшные кровопроливцы. Одним словом, я вывожу, что и все, не только великие, но и чуть-чуть из колеи выходящие люди, т. е. чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, должны по природе своей быть непременно преступниками – более или менее, разумеется. Иначе трудно им выйти из колеи, а оставаться в колее они, разумеется, не могут согласиться, опять-таки *по природе своей*, а, по-моему, так даже и обязаны не соглашаться» [3, с. 248 – 249].

Мы действительно видим сплошь и рядом, что великие люди в политике, в истории – это очень часто откровенные и циничные преступники. Но почему-то одних история называет "великими завоевателями", а других "великими убийцами". Гитлер уничтожил огромное количество людей, но разве Александр при завоевании Азии уничтожил меньше? Но почему же эти деяния не признаются геноцидом? История знает немало примеров, когда уничтожались целые народы.

И мы очень часто читаем, что политика не этика, она имеет свои законы, не зависящие от законов нравственных, что «для развития великих и сильных характеров необходимы великие общественные несправедливости» (К.Н. Леонтьев). Политика имеет свою мораль, которая оправдывает рабство, насилие и деспотизм, если их ценой покупается государственная и национальная крепость. «Хорошие люди нередко бывают хуже худых. Личная честность, вполне свободная, самоопределяющая нравственность могут *лично же* и нравиться, и внушать уважение, но в этих непрочных вещах нет *ничего политического, организующего*. Очень хорошие люди иногда ужасно вредят государству, если политическое воспитание их ложно, а Чичиков и городничие Гоголя несравненно иногда полезнее их для целого» [4].

Но вопрос о роле зла в истории, которое творят великие личности, о нарушении законов морали и человечности, которые они попирают, чтобы добиться своих целей – вопрос сложный и запутанный. И вряд ли достаточно ограничиться суровым осуждением последних, как это делал Л. Толстой. Животное начало,

агрессивность, биологическая сила и энергия для человека также естественны и необходимы как кротость, любовь к ближнему, смирение. Наряду со святыми Антоний Падуанским, Франциском Ассизским, Сергием Радонежским, мучеником Христофором существовали Тамерлан, Юлий Цезарь, Иван Грозный, Петр Первый и много других «героев», топивших в крови народы и города и делавших историю, перекраивающих мир.

Ярким пример такой двойственности – сам Ф. Ницше, философски обосновавший учение о сверхчеловеке. С одной стороны, он доказывает, что человек должен бороться с животным началом в себе, что пока кто-либо стремится к жизни, как к какому-то счастью, он еще не поднял взора над горизонтом зверя, и вся разница лишь в том, что он более сознательно стремится к тому, чего зверь ищет слепым инстинктом. Но ведь так живем мы, полагает Ницше, все значительную часть нашей жизни: мы не выходим обычно из животного состояния, мы сами – звери, осужденные, по-видимому, на бессмысленное страдание.

Но, с другой стороны, именно животного начала нам не хватает, мало кто решается жить на свой страх и риск, рискнуть собственной жизнью и судьбой, для того, чтобы чего-нибудь добиться. Мы знаем, например, немало представителей крупного бизнеса, как на Западе, так и в России, талантливых предпринимателей, создавших, в конце концов, свои промышленные и финансовые империи. В основном это хищники, люди цельной, звериной породы, не отвлекающиеся ни на какие интеллектуальные тонкости и проблемы, целенаправленно и упорно идущие вперед, к прибыли, к власти, к господству. Но вряд ли кто рискнет отрицать, что без этих людей не было бы ни современной промышленности, ни развитой банковской и финансовой системы. К тому же, крупные частные собственники – единственная сила, ограничивающая власть государства, его тоталитарные поползновения.

Там же, где преобладает интеллектуальное начало, оно подавляет инстинкты, чутье, «дионисийские» страсти и прозрения. Мало кто может, бросив поводья, довериться божественному зверю в нас. Мы, писал Ницше, скорее, ручные *звери*, являющие собой постыдное зрелище и изо всех сил старающиеся свой позор скрыть моралью. «Европеец прикрывается *моралью*, потому что он стал больным, бессильным, увечным зверем, ему есть резон быть “ручным”, ибо он являет собой нечто уродливое, недоделанное, немощное, неуклюжее. Свирепость хищника не нуждается в моральных одеяниях, они нужны лишь стадному животному, чтобы скрыть свою невыразимую посредственность, свой страх и свою скуку от самого себя. *Европеец рядится в мораль* – признаем это честно! – как во что-то более благородное, значительное, важное – “божественное”»[5, с. 478.].

Христианская мораль, полагает Ницше, как и социалистическая, приручает человека, делает его домашним животным, слабым и увечным, убивает в нем дионисийский дух. «Во все времена существовало желание изменить людей к «лучшему» – «улучшение» человека главным образом и называли моралью. Но под этим словом скрывались вещи, совершенно различные по своей тенденции. «Улучшением» именовалось, во-первых, *укрощение* человека-зверя и, во-вторых, *выведение* определенной людской *породы*: лишь данные зоологические термины точно отражают реальности, о которых типичный «улучшатель» нравов, священник,

разумеется, ничего не знает, *не желает* знать... Называть укрощение зверя его «улучшением» – это звучит как издевательство. Кто бывал в зверинце, едва ли поверит, что звери там могут измениться к «лучшему» [6, с.571–572].

Животное, звериное начало в человеке во все века и подавлялось, изгонялось и культивировалось, почиталось. Человек не только «Божья тварь», не только «человек Божий», но и «Божий зверь». В этом народном сочетании слов, писал Д. Мережковский, по-видимому, столь обычном, естественном, не чувствуется ли какая-то, все еще неиспытанная тайна, какая-то странная, все еще неразрешенная загадка. [7, с. 98.]

Древние греки превращали бога-человека в бога-зверя. Члены человеческого тела так соединяются, переплетаются с членами животных, даже растений – Великого Пана с Козлом, Пазифаи с Быком, Леды с Лебедем, Дафны с Лавром, что трудно иногда решить, где именно в человеке кончается человеческое, божеское и начинается зверское, животное, даже растительное: одно в другое переходит, одно переливается в другое, как отдельные цвета в радуге.

И у египтян странные боги, изваянные из черно-блестящего, неистребимого гранита, эти полулюди, полужвери – тела человеческие с головами кошек, собак, крокодилов, копчиков, или звериные тела сфинксов с человеческими лицами, с тончайшими и одухотвореннейшими улыбками, какие являлись когда-либо на лице человеческом. Они нашему европейскому взгляду кажутся только чудовищными идолами.

В древних религиях, полагал Розанов, Бога надо искать в животном, в жизни, искать его как дающего жизнь. Постоянная перепутанность животного и человека в Боге в восточных религиях сказалась, в конце концов, и в Вифлееме, в его таинственных стадах, его волхвах, звезде, в Богочеловеке в яслях. Ветхий завет – трансцендентно-мировой, космический. Новый только морален, слишком слаб и односторонен. Египтяне с их обоготворением животных, иудеи с их ритуально-торжественным воспеванием плотской любви, эллины с их мистическим чувством гармонии Вселенной, с их любовью к прекрасному телу – все это, считал В. Розанов, не только далекое прошлое, но и отражение вечных свойств человеческой природы, все это живет в современном человеке, только затушевано, размыто, скрыто и современным христианством, и современной позитивистской культурой, которая, как ни странно, логически вытекает из христианства».

Великий дефект нашего мирозерцания, полагал он, лежит в разрыве и отнесении на противоположные стороны «кажущегося "идеального"» и «кажущегося же "животного"». Это расторжение не только губит животное в нас, т.е. «живое» и самую «жизнь», изъяв из него «идеал», «свет» и «просвещение», но и вносит безжизненность, бессочность, бескровность в наши идеи. «И даже больше: это ввело подлог в наш "идеальный мир", заменив в нем кровные мысли фикциями... и нет в них ничего, кроме лукавого обмана и нас, поддающихся на этот обман, обольщаемых его "чистотою". Мы поклоняемся пустоте, и в то же время не поклоняемая больше жизнь, естественно, сперва мутнеет, потом дегенерирует, "обратно развивается", становится "рудиментарным привеском" высоких фикций нашего бытия» [8, с.238 – 239].

Животность, пол и половые отношения, лежат, по его мнению, совсем рядом с истинной религией. Это одна текущая река, одни воды, дающие в одной части спокойную и ясную религию, как наше отношение к Богу, как связь с Небом, как чувство судьбы и провидения, как мистику и трепет перед миром иным, другим миром поверх эмпирической наличной действительности; в другой части влекущие к сближению, к совоплощению, к рождению детей, к бесконечной жизни здесь на земле. Если бы это было возможным, говорит Розанов, нужно было бы перестроить всю культуру. Христианская религия в ее сегодняшних формах не может быть спасением, очищением человека. Очищение должно исходить от тела, а религия – не из книги, а из ощущения. Нет чувства пола – нет чувства Бога. Новая религия – спасительница и руководительница – должна быть разработана не догматически, не словесно, а стихийно, «ощутительно», в музыкальных тонах. Она должна быть полна тайны, которая заключена в телесности и крови. Если нет тайны в крови, нет ее и в мире, если нет в быке, с какой стати она будет в траве, в камнях? Если нет ее в траве, в камне и в живом, нет и в звездах. Тогда зачем рисовать звезды в храме или на храме, ведь и там, конечно, нет Бога.

«Да, тут есть какая-то незапамятно-древняя, все еще до конца не додуманная, постоянно возвращающаяся, неодолимая религиозная дума человечества, – писал Д. Мережковский, – не только о бесплотной святости, но и о *святой плоти*, о переходе человеческого в божеское не только через духовное, но и через животное – незапамятно-древняя и, вместе с тем, самая юная, новая, пророческая дума, полная великого страха и великого чаяния: как будто человек, вспоминая о "зверском" в собственной природе, то есть о незаконченном, движущемся превращаемом (ибо ведь животное и есть по преимуществу живое, не замершее, не остановившееся, легко и естественно преобразующееся, переливающееся из одной телесной формы в другую, как утверждает и современная наука о животной метаморфозе), вместе с тем предчувствует, что он, человек, – не последняя достигнутая цель, не последний неподвижный венец природы, а только путь, только переход, только временно через бездну переброшенный мост от дочеловеческого к сверхчеловеческому, от Зверя к Богу» [9, с. 100].

Что больше в сверхчеловеке – животного, плотского, могучей биологической силы и энергии, или необычайно острого ума, интеллекта, дара воображения? Человек становится человеком, преодолевая в себе животные страсти и инстинкты, но не теряет ли он при этом нечто не менее важное и глубокое, составляющее обязательную часть его природы?

Можно ли быть сверхчеловеком, оставаясь среди людей, принимая их законы и обычаи? Можно ли быть сверхчеловеком, оставаясь незаметным скромным тружеником, или сверхчеловеческое начало обязательно проявляется в выдающихся делах или произведениях? Является ли великий злодей сверхчеловеком? Все эти вопросы далеко не праздные, поскольку относятся к самой сути истории, к самым важным вопросам религии и культуры.

Возможно, очень многое можно понять в природе сверхчеловека на примере жизни и личности Наполеона. «Страх, внушаемый Наполеоном, – писала де Сталь, – происходил от особенного действия личности его, которое испытывали все, кто к

нему приближался. Я встречала в жизни моей людей, достойных уважения, встречала и людей презренных; но в том впечатлении, которое произвел на меня Бонапарт, не было ничего, напоминающего тех или других. – Я скоро заметила, что *личность его не могла быть определима словами, которые мы привыкли употреблять*. Он не был ни добрым, ни злым, ни милосердным, ни жестоким в том смысле, как известные нам люди. Такое существо, *не имеющее себе подобного*, не могло, собственно, ни испытывать, ни внушать сочувствия; это *был больше или меньше, чем человек*: его наружность, его ум, его речи носили на себе печать какой-то чуждой природы. И страх мой не только не уменьшался, но тем более увеличивался, чем чаще я встречалась с ним. Я смутно чувствовала, что никакое движение сердца не может на него действовать. *Он смотрит на человеческое существо, как на обстоятельство, или на вещь, но не как на себе подобное*. У него нет ни любви, ни ненависти к людям: *он один – все для себя – il n'ya due lui pour lui* остальные существа лишь цифры... – Все для него было только средством или целью; ничего произвольного ни в добре, ни во зле – никакого закона, никакого отвлеченного нравственного правила» [9, с. 170].

В обыкновенном человеческом себялюбии эгоизм никогда не переступает за известные пределы. Люди маскируют его, прячут, вот почему обыкновенный эгоизм всего чаще приводит людей не к великой трагической гибели, а к благоразумной и благополучной срединной пошлости. В эгоизме Наполеона или в том, что кажется у него «эгоизмом», современников поражала изумительная откровенность, бесстыдная, или только нестыдящаяся нагота. Подобное себялюбие, писал Мережковский, может быть, страшно, чудовищно и безумно, но уж, во всяком случае, не благоразумно, не срединно, не пошло – не обыкновенный человеческий эгоизм. Его себялюбие переступает за все естественные пределы, в которых возможно сохранение личности: он знает, что должен погибнуть, и все-таки стремится к этой гибели, без страха, без сожаления, без раскаяния. От его личности складывается такое впечатление, что он чувствует некую невидимую руку, ведущую его. В его безумном или животном, с точки зрения нравственности, эгоизме есть нечто высшее, потустороннее, первозданное, премирное. В каком-то смысле Наполеон уже и не человек, несмотря на его обычные человеческие слабости и капризы.⁴

Наполеон – герой и художник своей собственной трагедии: сочиняет ее и живет ею. Единственный страх, угрызение его в том, что он не успеет, не сумеет и сыграть ее и дожить до конца. Ему и власть нужна не сама по себе, а как великому художнику инструмент, которым он намерен преобразовать мир. «Конечно, я люблю власть, говорил Наполеон, но я люблю ее, как *художник*, как музыкант любит свою скрипку: я люблю ее за звуки, созвучия, гармонии, которые я из нее извлекаю» (И. Тэн).

⁴ «Гёте, во время их свидания в Эрфурте 2 октября 1808 года, поразила личность Наполеона: Гёте сразу в ней почувствовал нечто как бы сверхъестественное или, по его собственному выражению, "демоническое". – "Er hatte kein grosseres Erlebniss, als jenes *ens realissimum, genannt Napoleon*". – "Во всей жизни Гёте не было большего события, чем это *реальнейшее существо*, называемое Наполеон", – замечает по этому поводу Ницше ("Gotzendämmerung", 1899)»

Герой «Преступления и наказания» делит всех великих людей на два разряда: первые – те, кто имеют дар или талант сказать в среде своей *новое слово*. Вторым разряд, все, кто преступают закон, разрушители. Если ему надо для своей идеи перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то внутри себя, по совести, может дать себе разрешение перешагнуть через кровь – смотря, впрочем, по идее и по размерам ее.

« – Ну, а действительно-то гениальные, – нахмурясь, спросил Разумихин, – вот те-то, которым резать-то право дано, те так уж и не должны страдать совсем, даже за кровь пролитую?»

– Зачем тут слово *должны*, – возражает Раскольников, – тут нет ни позволения, ни запрещения. Пусть страдают, если жаль жертву... Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца... Истинно-великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете *великую грусть*, – прибавил он вдруг задумчиво, *даже не в тон разговора*» [9, 253 – 254].

«Мы уже видели на лице того, кому подражает Раскольников, на кого он и наружностью похож так же, как пушкинский Герман, на странно-неподвижном лице Наполеона, в глазах его, будто "устремленных вдаль все на одну и ту «же точку», печать этой "великой грусти" – не раскаяния, не угрызения, не скорби, а именно только грусти: как будто увидел он то, чего не следует видеть глазам человеческим, какую-то последнюю тайну мира, и с той поры уже не сходит с лица его эта грусть, эта тень, даже в самых ослепительных лучах славы и счастья» [9, с. 194].

Наполеоновские войны унесли жизни сотен тысяч людей и в XX веке Бонапарта судили бы как военного преступника. В глазах многих он был чудовищем, демоном, «крошечным мерзавцем» (Л. Толстой). Но Наполеон своей жизнью и своей смертью начал переоценку всех ценностей и позволил заглянуть «по ту сторону добра и зла». Он не потушил искру Великой революции, а перебросил ее на всю Европу. После его войн стал уже невозможен прежний мир, после его реформ стали постепенно вырывать идеи невозможности прежнего хозяйствования и администрирования. Личность Наполеона оказала огромное влияние и на культуру, например, породила в литературе «людей рока»: Чайльд Гарольда, Онегина, Печорина, Ивана Карамазова. Видимо она же способствовала живучести представлений о темной силе, «всегда хотевшей зла, творившей лишь благое». Наполеон-сверхчеловек, Антихрист, темная сила, сподвижник Мефистофеля и Воланда. Так что его, несомненно, можно отнести к сверхъестественному человеку, сложному, противоречивому и трагическому существу, каким он только и может быть.

В XX веке сущность и значение сверхчеловека существенно изменились. В обществе массовой культуры к власти часто приходят представители массы: люди малокультурные, малообразованные. Вернее не приходят, а пробиваются наверх, проявляя недюжинную волю, фантастическую энергию и даже гениальность – в том смысле, в каком Троцкий назвал Сталина «гениальной посредственностью». Можно сказать, что к власти приходят «маленькие люди» – маленькие по происхождению, по масштабу личности, типичные серые представители серой массы. Они плоть от плоти этой массы, они ей ближе, родней и понятнее, чем высоколбые, яркие, оригинальные умники с их глобальными идеями. Они очень простые (Ленин –

простой, обычный человек) и все вокруг опрощают и упрощают соответственно своему уровню: политику, философию, литературу. И как в типичном представителе массы в каждом из них живет зависть и ненависть ко всему яркому, талантливому, ко всему, что нельзя разделить поровну и нужно, следовательно, уничтожить. «Мало мы еще стреляем профессоров», – говорил Ленин в одном из своих выступлений, имея в виду некоторых ученых, не принимающих советскую власть. Сталин же имел в виду всех профессоров, и никто не может его упрекнуть в том, что он мало их уничтожил.⁵

Ныне одни считают Сталина великой личностью, другие – великим злодеем. Противоречие содержится в самом понятии «великий злодей». Если он действительно великий – значит, он уже не злодей. Великие дела, созданные во имя Великой идеи, оправдывают любые преступления. Хладнокровному убийце миллионов можно найти тысячи оправданий. Этим и занимается огромное количество прокоммунистических литераторов и политиков. Этим часто грешит и любая власть, исподволь воспитывая в народе тоску по Хозяину, по сильной руке, который хоть и нарушает законы, но является отцом народа. Ныне одни считают Сталина великой личностью, другие – великим злодеем. Противоречие содержится в самом понятии «великий злодей». Если он действительно великий – значит, он уже не злодей. Великие дела, созданные во имя Великой идеи, оправдывают любые преступления. Хладнокровному убийце миллионов можно найти тысячи оправданий. Этим и занимается огромное количество прокоммунистических литераторов и политиков. Этим часто грешит и любая власть, исподволь воспитывая в народе тоску по Хозяину, по сильной руке, который хоть и нарушает законы, но является настоящим отцом народа.

Все эти «гениальные посредственности» – Сталин, Гитлер, Муссолини, Садам Хусейн, Ким Ир Сен и др., разумеется люди незаурядные, обладающие часто мощной харизмой, огромной сверхчеловеческой энергией, но они прежде всего выражают собой природное, «звериное» начало. Они представители того Зверя, который, как предвещал в своем Откровении св. Иоанн в самом конце мира, перед вторым пришествием «выйдет из бездны». Зверь в человеке уснул; но, может быть, он когда-нибудь проснется, может быть, действительно, предстоит еще последний поединок человека со Зверем, Богочеловека с Богом-Зверем?

Результат этого поединка никто не может предсказать, никто не может дать гарантии, что не произойдет жуткой метаморфозы – все звериное станет божественным. Все великое связано с жуткими образами, с мистическими видениями, в которых как будто прорывается к нам страшная нечеловеческая сила, которая может и погубить человека и поднять его на небывалую высоту.

Список литературы

1. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. / Соч. В 6 т. Т.2.
2. Толстой Л. Н. Полн. Собр. соч., т. XV.

⁵ «Век ушёл. В огне его и блуде // Яркая особенность была: // Всюду вышли маленькие люди // На большие мокрые дела» (Г. Губерман).

3. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. - М., 2006.
4. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство / Записки отшельника. М., 1992. С. 54.
5. Ницше Ф. Веселая наука / Соч. В 2 т. Т.1. М., 1990.
6. Ницше Ф. Сумерки кумиров
7. Мережковский Д. Толстой и Достоевский. Вечные спутники
8. Розанов В.В. Соч. В 2 т. М., 1994. Т.1.
9. Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский

Губін В.Д. Надлюдина як альтернатива сучасної цивілізації

У представленій роботі розглядається феномен надлюдини як альтернатива сучасній масовій людині. Підкреслюється, що в історії людства існувало й існує два типи людей подібного надприродного роду - від природи, і від духу. Сучасна цивілізація, що породила людину юрби, має потребу у вихованні надлюдини другого типу.

Ключові слова: надлюдина, сучасна цивілізація, особистість.

Gubin V. D. The superperson as alternative of a modern civilisation

In the presented work the phenomenon of the superperson alternatively to the modern mass person is considered. It is underlined, that in mankind history existed and there are two types of people of a similar supernatural sort - by nature, and from spirit. The modern civilisation which has generated the person of crowd, requires education of the superperson of the second type.

Keywords: the superperson, a modern civilisation, the person.

Поступило в редакцію 11.09.2007